

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 070.4

doi: 10.17223/19986645/76/15

Министр и журналист: взаимоотношения Д.А. Толстого и М.Н. Каткова

Елена Владимировна Перевалова

*Московский политехнический университет, Москва, Россия,
helenpv@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения высокопоставленного чиновника Д.А. Толстого и авторитетного журналиста М.Н. Каткова, редактора-издателя газеты «Московские ведомости». На основе анализа архивных материалов, мемуаров и дневников уточнена роль каждого из них в реформах российской системы образования в 1870–1880-е гг. Выявлено, что лидером в этом союзе был Катков, ставший, по существу, истинным автором и вдохновителем проводимой Министерством народного просвещения политики.

Ключевые слова: Д.А. Толстой, М.Н. Катков, «Московские ведомости», реформы, образование

Для цитирования: Перевалова Е.В. Министр и журналист: взаимоотношения Д.А. Толстого и М.Н. Каткова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 329–347. doi: 10.17223/19986645/76/15

Original article

doi: 10.17223/19986645/76/15

A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov

Elena V. Perevalova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru

Abstract. The article examines the relationship between Dmitry Tolstoy, who served as Minister of Public Education (1866–1880) in the government of Alexander II and as Minister of Internal Affairs and Chief of Gendarmes (1882–1889) during the reign of Emperor Alexander III, and Mikhail Katkov, an authoritative journalist, editor-publisher of the influential conservative newspaper *Moskovskiye Vedomosti*. The main thing that united the interests of the high-ranking official and the influential journalist was the reforms in the field of education in the 1870s and 1880s. Both contemporaries and historical researchers evaluated the activities of Tolstoy and

Katkov in this area very ambiguously and quite contradictorily. The problem of the study consists in the uncertainty of ideas about the contribution of each of them to the reform of Russian education in this period. On the basis of archival materials, diaries, letters and memoirs of contemporaries, the article considers the nature of the relationship between Tolstoy and Katkov, the degree of their mutual influence, the role of each in transformation of secondary and higher education during this period. The relevance of the stated problem is due to the ongoing reforms of the modern system of Russian education and the growing interest in the history of this issue, as well as the increasing role of the media in covering these processes. The novelty of the research consists in the introduction into scholarly discourse of new, previously unexplored material, in particular, the letters of Dmitry Tolstoy, Mikhail Katkov, Boleslav Markevich, Evgeny Feoktistov, Aleksandr Georgievsky, and others, stored in the archives of the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The analysis of correspondence, the study of memoirs and diary entries of contemporaries allow concluding that the leader in this union was Katkov, whose publications not only provided “information support” for the reforms undertaken by the Minister of Public Education, but in many ways initiated and directed Tolstoy’s activities. Having a strong and resolute character, perseverance in achieving the set goals, unshakable confidence in his own rightness, the journalist for many years successfully defended before Tolstoy those measures that he considered right and correct. For his part, Tolstoy, being able, by virtue of his positions, to report almost daily to the emperor, was a kind of a representative of the journalist, first to Alexander II, and then to Alexander III. At the same time, the minister often acted as Katkov’s “hidden opponent”, repeatedly tried to get rid of his dependence on the journalist, to demonstrate independence in decision-making, but, as a rule, the last word was always left to Katkov. The history of the relationship between Tolstoy and Katkov is a very illustrative example of the increasing influence of the press on the power structures of the Russian Empire in the 1860s–1880s.

Keywords: Dmitry Tolstoy, Mikhail Katkov, *Moskovskiyye Vedomosti*, reforms, education

For citation: Perevalova, E.V. (2022) A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 329–347. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/15

Д.А. Толстой – одна из ключевых фигур отечественной истории последней трети XIX в. В годы правления Александра II он в течение четырнадцати лет, с 1866 по 1880 г., совмещал должности министра народного просвещения и обер-прокурора Священного синода, а при Александре III был назначен в 1882 г. на один из самых заметных и важных постов в Российском государстве – пост министра внутренних дел, одновременно став шефом жандармов. Его многолетняя деятельность во главе ключевых ведомств во многом определила развитие как образовательных учреждений страны в последнюю треть XIX в., так и внутреннюю политику России в целом. На протяжении всей карьеры Толстого его самыми верными политическими союзками были правовед К.П. Победоносцев, сенатор, член Государственного совета, с 1880 г. – обер-прокурор Священного синода и член Комитета министров, глава консервативной партии в правительстве Александра III, и авторитетный журналист М.Н. Катков, редактор-издатель

влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости», руководство которой он осуществлял почти четверть века, с 1863 по 1887 г., и общественно-политического и литературного ежемесячника «Русский вестник». В отличие от Толстого и Победоносцева Катков никогда не занимал государственных постов, но его не без оснований называли «государственным человеком без государственной должности» – настолько ощутимым было его влияние на общественную и политическую жизнь России в 1860–1880-е гг.

Главным делом, объединившим высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста, стали реформы в сфере образования, непрерывно продолжавшиеся в России на протяжении более двух десятилетий. Как современниками, так и исследователями-историками деятельность Толстого и Каткова в этой области оценивалась весьма неоднозначно и достаточно противоречиво [1–4]. С точки зрения одних, они стремились создать «из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно-оскопленных слуг царя и отечества», для других их политика стала «фундаментом и благодатной почвой для взросления целого ряда поколений» [5. С. 323]. Однако и противники и сторонники Толстого и Каткова, как правило, рассматривали их как абсолютных единомышленников, идущих рука об руку в деле трансформации образовательной системы Российской империи. Проблема исследования состоит в неопределенности представлений о вкладе каждого из них в реформирование российского образования в 1870–1880-е гг.

На основе архивных материалов, дневниковых записей, писем и воспоминаний современников в данной статье сделана попытка рассмотреть характер взаимоотношений высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста, определить степень их взаимного влияния, выявить роль каждого в преобразовании средней и высшей школы в указанный период. Актуальность заявленной проблемы обусловлена продолжающимися не один год реформами современной системы российского образования и усиливающимся интересом к истории данного вопроса, а также возрастающей ролью СМИ в освещении этих процессов. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности хранящихся в архивах ОР РГБ писем Д.А. Толстого, М.Н. Каткова, Б.М. Маркевича, Е.М. Феокистова, А.И. Георгиевского и др.

Основной целью политики Толстого во главе Министерства народного просвещения было создание высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству и способного направить развитие страны по эволюционному пути. Все его начинания – преобразование духовно-учебных заведений в 1867–1869 гг., гимназическая реформа 1871 г., утверждение в 1872 г. положения о городских училищах, в 1874 г. – положения о начальных училищах и, наконец, принятие университетского устава в 1884 г., когда Толстой уже возглавлял Министерство внутренних дел, – вызвали бурные дискуссии как в профессорско-преподавательской среде, так и в газетно-журнальной периодике. На фоне ожесточенной борьбы, развер-

нувшейся между представителями различных политических сил по поводу «крестьянского вопроса», судебной, земской, военной и других реформ, споры вокруг преобразований в сфере народного просвещения могут показаться не столь существенными. Однако эта полемика выходила далеко за рамки вопросов об учебных планах и программах. Посредством воздействия на среднюю и высшую школу государство стремилось получить возможность влиять на дальнейшее социально-политическое развитие страны, поэтому в дискуссиях вокруг образовательной реформы речь шла не просто об изменениях в учебном процессе, но о том, чему и как учить следующие поколения, т.е. тех, кому предстояло отвечать за будущее Российской империи в XX в.

Главным объектом полемики стали гимназические реформы 1864 и 1871 гг. Первая была осуществлена по инициативе А.В. Головнина [6], предшественника Толстого на посту министра народного просвещения, в ходе ее произошло разделение гимназий на классические и реальные: в первых основательно изучались античная культура и древние языки (латинский и древнегреческий), во вторых – преобладали математика и естествознание. Реформа 1871 г., проведенная уже при Толстом, завершила формирование образовательной системы русского классицизма в средней школе: в учебных программах был значительно усилен объем математики, при этом в классических гимназиях были введены дополнительные часы на изучение древних языков, но уменьшены часы на изучение истории словесности, русского языка, географии и т.п. [7]. Место реальных гимназий заняли шестилетние реальные училища, в которых основное место отводилось математике и предметам естественно-научной направленности. Правом продолжить образование в университетах обладали только выпускники классических гимназий, тогда как выпускники реальных училищ могли претендовать на обучение в технических, промышленных и торговых высших учебных заведениях. Обсуждение нового университетского устава, принятого в 1884 г., дало новый толчок дискуссии, которая приобрела крайне бурный характер и вылилась в ожесточенное противостояние консервативно и либерально настроенных представителей академического сообщества [8–10].

Планируемые в отечественной средней и высшей школе перемены вызвали глубокую заинтересованность и озабоченность Каткова и получали широкое освещение в его изданиях, занимая в них одно из центральных мест. Так, в конце 1860-х – 1870-е гг. разрабатываемая гимназическая реформа стала основной темой «Московских ведомостей», рассматривалась в газете как «главный жизненный интерес современного положения наших дел» и как одно из основных направлений деятельности правительства. Подобно Толстому, Катков связывал с успешным осуществлением преобразований в сфере просвещения будущее не только отечественной науки, но и всей российской государственности и в классическом образовании видел едва ли не единственное средство борьбы с распространявшимся нигилизмом и социалистическими учениями. По его глубокому

убеждению, вся европейская наука и современная цивилизация своим развитием были обязаны античной цивилизации и только классическая система образования была способна сформировать высокий интеллект и культуру в самом глубоком смысле, а потому России, чтобы стать частью единого просвещенного мира, также следует построить процесс обучения на основе изучения древних языков, классического наследия Греции и Рима и завещанных Античностью умственных и художественных богатств. Основательное и глубокое изучение классики, с точки зрения Каткова, развивало бы у учащихся склонность к глубокому мышлению и научной деятельности и, таким образом, препятствовало бы распространению среди юношества поверхностных радикальных взглядов. Такого же мнения придерживался и компаньон Каткова, соредaktor и соиздатель «Московских ведомостей» – профессор римской словесности П.М. Леонтьев. Будучи членом Ученого комитета Совета министра народного просвещения по выработке устава гимназий, он принимал активное участие в разработке основных положений этого устава, учебных планов (в первую очередь по древним языкам), правил вступительных испытаний и в спорах с «реалистами», т.е. сторонниками реальных учебных заведений, убежденно отстаивал интересы классических гимназий. Энергичные поборники «классики», Катков и Леонтьев в 1868 г. даже основали в Москве классический лицей, получивший название Лицея цесаревича Николая – в память скоропостижно скончавшегося весной 1865 г. наследника престола Николая Александровича – старшего сына императора Александра II. Это учебное заведение было призвано не только давать фундаментальное образование, но и формировать определенный уровень мировоззрения – задача, с которой, по их мнению, не могли справиться существовавшие в стране казенные гимназии [11].

С началом ожесточенной борьбы за образовательные реформы Катков в «Московских ведомостях» начал делать ставку не столько на общественное мнение, сколько на «административный ресурс», и в своих передовых статьях апеллировал не столько к обществу, сколько к тем лицам в правительстве, от которых зависело принятие решений. «Не в обществе дело... – признавался публицист в частном разговоре с одним из своих доверенных сотрудников. – Реформа решается не в обществе, а в министерстве, в правительственных сферах...» [12. С. 84]. При таком подходе журналист нуждался к постоянным связям и контактам с бюрократическим аппаратом министерства, что позволяло бы ему оказывать непосредственное воздействие на подготовку и принятие нужных и правильных, с его точки зрения, решений. Однако с либерально настроенным предшественником Толстого – А.В. Головинным, занимавшим пост министра народного просвещения с 1861 по 1866 г., и с непосредственными преемниками – А.А. Сабуровым и бароном А.П. Николаи, возглавлявшими министерство соответственно в 1880–1881 и 1881–1882 гг., отношения у Каткова явно не складывались [13]. Напротив, Толстой с первых своих шагов на бюрократическом поприще горячо высказывался в поддержку редактора «Московских

ведомостей». Так, отсылая в 1863 г. Каткову свое сочинение о Римско-католической церкви в России, Толстой в сопроводительном письме пишет: «Очень рад, что это доставляет мне случай выразить Вам то глубокое уважение, которым я, как и все русские, проникнут к Вашей деятельности и тем политическим принципам, коими вы завоевали общественное мнение. <...> Всякое замечание Ваше я приму как доказательство Вашего внимания, которым, поверьте, всегда буду дорожить» [14. Л. 137]. Чиновника и журналиста изначально сближали как общность взглядов на систему образования, так и консерватизм политических воззрений в целом, в результате чего они стали не просто единомышленниками, но соратниками в борьбе за классическое образование, создав в 1860-е гг. своего рода союз, прочность которого у большинства современников не вызывала сомнений.

В этом союзе министра и журналиста ведущая роль, казалось бы, должна была принадлежать высокопоставленному чиновнику, обладавшему тем самым «административным ресурсом» и реальной властью, тогда как роль публициста должна была сводиться к исполнению «заказа», исходящего из высоких бюрократических сфер. Однако Толстой явно уступал Каткову в энергии и решительности, в четкости представлений об основных этапах и результатах реформы, вследствие чего последний стал не просто его «правой рукой», но фактическим руководителем на посту министра народного просвещения. Современники не без оснований видели в Каткове истинного автора и вдохновителя проводимой Министерством народного просвещения политики. Сохранилось немало свидетельств того, что Толстой не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с журналистом, который буквально «заряжал» его своей ни перед чем не отступавшей энергией. Если же у Толстого возникали затруднения и препятствия в процессе продвижения своих проектов, а Каткова не было в Петербурге, то министр тут же «терялся и падал духом». Так, служивший в 1870-е гг. чиновником особых поручений при Толстом Е.М. Феоктистов прямо писал, что тот как министр «беспомощен», «у него не было собственных идей» и потому «тотчас же прибегнул к советам и указаниям Каткова и Леонтьева», «жадно уцепился за человека, который стоял пред ним с вполне готовою программой» [15. С. 177]. По образному выражению петербургского корреспондента «Московских ведомостей» писателя и публициста Б.М. Маркевича, также служившего чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения, Толстой все время «держал Каткова за фалды» [16]. Подтверждение тому можно найти и в адресованных редактору «Московских ведомостей» письмах самого Толстого. Во многих из них он обращается к журналисту с просьбами посмотреть и дать свои замечания и комментарии к разрабатываемым в его ведомстве документам. Так, в марте 1866 г. Толстой просит Каткова «сделать одолжение» и рассмотреть проект преобразования духовных училищ [17. Л. 138–139], в апреле того же года – «сообщить в подробности» замечания «на гимназический устав, на способы его исполнения, и на то, что следует сделать в этом отношении» [18. Л. 139], в мае – «просмотреть прилагаемое извлечение из отчета Попе-

чителя СПб Учебного округа об учебниках для древних языков и передать мне ваше мнение о том: каким наиболее практичным образом можно преодолеть встречаемые теперь затруднения в преподавании этих языков» [19. Л. 139], в 1872 г. – внести исправления и дополнения в проект университетского устава, который министр собирался предложить на рассмотрение Советов университетов [20. Л. 147–148] и т.д.

Дело доходило до того, что иногда Толстой, не надеясь, как видимо, на силу собственных аргументов и не решаясь самостоятельно искать поддержку у председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, прибегал к посредничеству Каткова. «На четверг назначено первое заседание комиссии по реальным училищам, – писал в Москву Маркевич. – Дмитрий Андреевич очень просил Вас приехать, говоря, что Вы одни в состоянии повлиять на великого князя, которым, предполагает он, заручилась враждебная сторона. Ваше присутствие весьма будет полезно во всяком случае и не для того только вопроса» [21. Л. 116]. «Я беседовал с графом Дмитрием Андреевичем (Толстым. – *Е.П.*), который просил меня сообщить Вам следующее: он очень бы желал, чтобы Вы приехали в Петербург, – вторил Маркевичу Феокистов. – Намерение его не делать никаких уступок при обсуждении проекта реальных училищ – непреклонно. <...> Если же Вы располагаете приехать в Петербург – чего граф, повторяю, очень желает, – то было бы лучше Вам приехать в начале следующей недели. Дело в том, что нужно подействовать на великого князя Константина Николаевича теперь же, пока проект не поступил к нему в Государственный совет. ...Было бы хорошо теперь же побеседовать с ним и расположить его в пользу проекта» [22. Л. 86]. К примеру, накануне того дня, когда проект реформы средних учебных заведений должен был поступить на рассмотрение Государственного совета, Каткову, благодаря настойчивости адъютанта великого князя – А.А. Киреева, который разделял позицию редактора «Московских ведомостей» в вопросах образования и причислял себя к «решительным поборникам классицизма» [23. Л. 128], удалось встретиться с Константином Николаевичем в Мраморном дворце [24. Л. 113] и в ходе почти часовой беседы убедить его на заседании Совета поддержать именно тот проект реформы, на котором настаивали «Московские ведомости». И это при том, что отношение великого князя к московскому журналисту было крайне неприязненным вследствие резкой критики, звучавшей в «Московских ведомостях» в его адрес в связи с польскими событиями 1863 г., а попытка Головнина – главного советника великого князя и его «серого кардинала» (так иногда называли этого чиновника современники) пригласить в том же 1863 г. Каткова к «взаимовыгодному» сотрудничеству, т.е. заручиться поддержкой его газеты в обмен на ряд льгот и преимуществ, окончилась громким скандалом, изрядно подпортившим репутацию тогдашнего министра народного просвещения [25].

Однако отношения Толстого и Каткова были отнюдь не безоблачными, они нередко испытывали недовольство друг другом, которое ни одному из них не удавалось скрыть от окружающих.

В первую очередь, на наш взгляд, причиной тому был постоянно преследовавший министра народного просвещения страх обнаружить свою зависимость от авторитетного журналиста, опасения быть заподозренным в том, что он не в состоянии принимать самостоятельные решения. Маркевич в адресованных Каткову письмах неоднократно сетовал на то, что «Толстой так мелочен, что, видя во всех нас Ваши орудия, он назло Вам, если чем недоволен, отринет всякий от нас совет, как бы здрав он ни был, — по крайней мере будет избегать случая выслушать его» [26. Л. 28]. «Опять началась мальчишеская боязнь, чтобы не сказали, что он у Вас на помочах ходит, — он даже этого скрыть не умеет», — писал Маркевич Каткову осенью 1873 г., когда накануне обсуждения в Госсвете вопроса о женском образовании министр вдруг неожиданно заявил, что он «решительно не согласен» с Катковым по вопросу женского образования, «что это фанатизм, а он должен думать о своем политическом положении, что он, требуя древние языки для женщин, возбудит против себя уже не один государственный совет, а самого Государя» [27. Л. 220]. Точно так же в 1874 г. Толстой решительно воспротивился внесению изменений и дополнений в проект устава о начальных народных училищах, которые были подготовлены председателем Ученого комитета и членом Совета министра народного просвещения А.И. Георгиевским. Последний в 1863–1866 гг. был одним из самых деятельных сотрудников «Московских ведомостей», а после переезда в Петербург на службу в Министерство народного просвещения продолжал поддерживать тесную связь с их редактором. Подготовленные им поправки, без сомнения, были согласованы с Катковым и получили его одобрение, однако Толстой возвратил бумаги Георгиевскому, внося в них собственные поправки. «Граф раздражен против меня по поводу этого вопроса, — с горечью сообщал Георгиевский в Москву Каткову, — что, быть может, и хорошо, что он не пригласил меня к себе и вместо того, чтобы лично оскорблять меня и сделать мое положение в министерстве невозможным, ограничился искажением моего проекта, восстановление которого в прежнем виде, быть может, еще и окажется возможным, если вы с своей стороны придумаете какие-нибудь действительные к тому способы» [28]. Не один лишь Георгиевский жаловался на раздражительность Толстого и его неспособность выслушать аргументы своих подчиненных. «Он не умеет слушать, прерывает, торопится и сам проповедывает, не давая мне никакой возможности договорить своих доводов», — с досадой писал в Москву Б.М. Маркевич [29. Л. 53].

Как можно предположить, самолюбивый Толстой таким образом пытался сохранить хотя бы видимость самостоятельности принятия решений и избежать раздражавших его намеков на влияние, которое имел на него Катков. Но для всех, кто был хорошо знаком с характером и привычками министра, не было секретом, что, несмотря на досаду и раздражение, в которое он нередко впадал вследствие необходимости прислушиваться к советам Каткова, в результате последнее слово, как правило, оставалось за журналистом. «Забавно было слышать, — вспоминал впоследствии

Е.М. Феокистов, – как иногда в минуты раздражения граф Дмитрий Андреевич восклицал: “Не могу же я, однако, сообразоваться со всем, что придет в голову журналисту...” И в конце концов он все-таки подчинился настойчивым его требованиям» [15. С. 180]. Редактору «Московских ведомостей», обладавшему настойчивостью и решительностью в достижении поставленных целей, глубокой убежденностью в правоте тех положений, которые он отстаивал перед Толстым, всегда удавалось, хотя и с трудом, убедить министра в необходимости той или иной меры. «Надо было неусыпно следить за ним <Толстым>, и Катков вспоминал впоследствии не иначе как с ужасом о том, что это ему стоило», – писал в своих воспоминаниях Феокистов [15. С. 180]. И сам Катков в частных разговорах не раз с досадой признавался, что «Толстого надо наставлять и подпирать на каждом шагу», а своему коллеге и другу профессору П.М. Леонтьеву прямо писал, имея в виду Толстого, что «этот человек не может быть пригоден для такой великой должности» [30]. Журналист не раз с горечью говорил, что для бюрократической верхушки нужны отнюдь не доводы науки и просвещения: «Кто такие наши ученые мужи, – скептически отзывался он о чиновниках от науки, которым предстояло осуществлять и контролировать реформу. – В большинстве это паркетные шаркуны, мастера маршировки и угодливости. Что им наука и что они ей? Даже правоведы и лицеисты не более как натасканные, дрессированные чиновники. Этих господ надо убеждать доказательствами, что просвещение не представляет ни малейшей опасности и что классики не приведут к республике, не нарушат полицейского благополучия и являются опорой порядка» [12. С. 84]. Весьма вероятно, что под «мастерами маршировки и угодливости», «правоведами и лицеистами» Катков имел в виду в том числе и Толстого – выпускника Царскосельского лицея и, по всей видимости, весьма невысоко оценивал своего союзника.

Судя по процитированным выше письмам и отрывкам из мемуаров, и подчиненные министра народного просвещения – Феокистов, Маркевич, Георгиевский без особого почтения и даже с изрядной долей иронии относились к своему непосредственному руководителю. Маркевич, любивший в переписке с редактором «Московских ведомостей» прибегать ко всякого рода конспиративным уловкам, во многих письмах иронично именовал Толстого «прыгуном», явно намекая тем самым на непостоянство министра, его колебания и шатания при принятии решений, нетвердость в отстаивании собственной позиции. «Т. <Толстой> все такой же прыгун и болтун, и сегодня дал мне новое этому доказательство», – писал Маркевич в Москву в январе 1872 г. накануне заседания комиссии по выработке проекта устава народных училищ [21. Л. 116]. «Наш прыгун считает себя обиженным Вами, – с издевкой сообщал Маркевич в Москву в марте 1874 г. о недовольстве Толстого в связи с публикацией в «Московских ведомостях» подряд нескольких статей об университетских беспорядках, в самом факте появления которых министр увидел стремление Каткова «уколоть его» [26. Л. 28]. Спустя несколько дней Маркевич с досадой писал о невозможности

обсудить с министром поправки в устав начальных училищ: «Прыгун окончательно прячется от нас с Георгиевским» [31. Л. 29].

Еще одним поводом для разногласий между Толстым и Катковым было недоверие высокопоставленного чиновника к печати, его стремление ограничить поступающий в прессу поток информации, сузить диапазон обсуждаемых в газетах проблем. И даже «Московские ведомости» не могли рассчитывать на какое-либо «снисхождение» с его стороны. Толстой не спешил делиться информацией со своим главным единомышленником. «С моим прыгуном пива не сварить, – писал Маркевич в ответ на требования Каткова сообщить оперативную информацию, касающуюся деятельности Министерства народного просвещения, – он будет отнекиваться, и бояться, и отлынивать, как боялся он сообщить мне для Вас гранку готовящегося правительственного сообщения в “Правительственный вестник”» [32. Л. 21]. В обязанности Маркевича, как представителя «Московских ведомостей» в столице, входило обеспечение редакции документами и официальными сведениями из петербургских департаментов, и ему нередко приходилось оправдываться перед Катковым из-за невозможности получить нужную редакции информацию «из первых рук». «Вы очень на меня гневаетесь и обвиняете в лени, за то, что я не сообщаю Вам разные документы, “когда мне так легко доставать их от Бобринского¹ и Толстого”, – отвечал на упреки Каткова Б.М. Маркевич. – <...> Не раз, а десять раз просил я Толстого и Бобринского, видя у них на столе разные записки (печатные), посылаемые им из Государственного совета и Комитета министров, дать мне их на прочтение – и каждый раз и тот и другой с улыбкой говорили мне: “для сообщения в Московские ведомости”. И как не убеждал я их, что от этого никакого вреда их репутации произойти не может, что ни Вы, ни я скомпрометировать их не в состоянии – они оба отказывали мне наотрез в сообщении желаемого. <...> Все они боятся пуще огня обвинения в “сношениях с прессою”, почитая это какою-то изменой – сколько, сколько раз приходилось мне слышать то от одного, то от другого из этих лиц по поводу даже самых незначительных сообщений: “Но ради бога, не сообщайте это в газеты!”» [33. Л. 130] На напрямую заявленную Маркевичем просьбу – передавать Каткову для ознакомления получаемые им из Государственного совета и Комитета министров записки и прочие документы – Д.А. Толстой отвечал решительным отказом [34. Л. 39].

На протяжении всего периода подготовки и проведения сначала гимназической реформы, а затем выработки и принятия университетского устава Катков был вынужден постоянно ездить в Петербург, чтобы, с одной стороны, «укрепить» Толстого в понимании правильности того или иного положения готовящихся к обсуждению в Государственном совете документов, а с другой – добиться поддержки у других влиятельных лиц в правительстве. «Каждый раз с приездом его в Петербург все оживлялось и все проникались

¹ Бобринский Алексей Павлович (1826–1894) – генерал, министр путей сообщения (1871–1874), член Государственного совета.

бодростью; он не знал отдыха, проводил ночи без сна, бросался в разные стороны, посещал всех лиц, которых можно было склонить в пользу дорогого ему дела», – вспоминал Феокистов [15. С. 183–184]. «Он не щадил своих сил и здоровья для дела, которое считал высокой государственной и общественной потребностью», – отмечал преданность Каткова делу образовательной реформы в своих воспоминаниях Г.К. Градовский, сотрудник «Московских ведомостей» в конце 1860-х – начале 1870-х гг. [12. С. 85].

В последние годы правления Александра II Толстому не удалось удержаться на своем посту: в апреле 1880 г. он был уволен с должностей министра народного просвещения и обер-прокурора Священного Синода, после чего либеральная общественность, решительно настроенная как против Толстого, так и против Каткова и его газеты, с удовлетворением отмечала признаки падения влияния журналиста на правительственные сферы. «Миновало царство Катковых», – не без злорадства констатировал в своих дневниковых записях князь В.М. Голицын после сообщения об уходе Д.А. Толстого с поста министра [35. Л. 140].

Однако с воцарением Александра III Толстой в мае 1882 г. был назначен на один из самых ответственных постов в империи – министром внутренних дел и шефом жандармов. В бюрократических кругах это назначение напрямую связывали с ростом влияния редактора «Московских ведомостей», а Толстого за глаза называли «креатурой Каткова» [36. Л. 91]. Передовая статья, опубликованная в «Московских ведомостях» вскоре после этого назначения, стала своего рода программным заявлением Каткова. «Наши противники ошибаются, представляя нас то во власти, то в оппозиции, – писал публицист. – Мы всегда во власти и всегда, если угодно, в оппозиции. Смена разных лиц в правительстве несколько не касается нас и не изменяет нашего положения. Власть наша действительно большая: она заключается в магической формуле А есть А или дважды два четыре. Если нужно было подавлять крамолу, прокравшуюся в наше общество, то нужно было подавлять ее, а не содействовать ей. Это совершенно то же самое, что А есть А. Вот что мы говорили, и эта истина не потеряла своей силы и во время торжества крамолы» [37]. Номер газеты с этой статьей, по свидетельству Маркевича, вызвал в столице много разговоров и продавался «по 2, по 3 и более рублей» [38. Л. 161]. Как представляется, в глазах многих эта публикация послужила еще одним подтверждением неразрывной связи высокопоставленного чиновника с московским журналистом, которого, кстати, в первые годы правления Александра III иногда называли «подспудным премьером» [39. С. 225], приписывая ему огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора. Имена Толстого и Каткова, наряду с именем Победоносцева как для противников, так и для сторонников стали олицетворением эпохи «контрреформ». «С тех пор, как граф Дмитрий Андреевич (Толстой) стал министром внутренних дел и, следовательно, для Михаила Никифоровича не предстояло уже опасения какой-нибудь цензурной кары, – писал в своих воспоминаниях сенатор Я.Н. Есипович, – он смело встал и против Государственного

совета и против Сената» [40. С. 218]. «Не подлежит сомнению, – писал в мае 1882 г. в своих дневниках Киреев, – что при Игнатьеве сильное влияние оказывал на дела Аксаков, а при Толстом влиятельным человеком будет Катков» [36. Л. 91]. И действительно, по образному выражению В.В. Розанова, «Московские ведомости» в 1880-е гг. исполняли роль своего рода «инспекции всероссийской службы», которую «все боялись, все ее смущались, и – ненавидели, клеветали на нее», но при этом зачастую «единственное слово Каткова» «указывало» и «приказывало», а министрам «оставалось переписать» – и часто министры, подавленные словом его, «переписывали» его передовицы в министерских распоряжениях» [41. С. 36–38].

Однако сохранил ли журналист по-прежнему сильное влияние на своего недавнего единомышленника и союзника? По свидетельству Е.М. Феоктистова, Толстой начал сторониться Каткова еще в последние годы своего управления Министерством народного просвещения, а став министром внутренних дел, сразу высказался в том смысле, что ему «нечего прибегать к его <Каткова> содействию», и во время частых приездов журналиста в Петербург они почти не встречались [15. С. 221]. Косвенным свидетельством охлаждения в отношениях недавних союзников могут служить дневниковые записи государственного секретаря А.А. Половцова, одного из самых информированных людей в империи, посвященного во многие тайны и изгибы придворной дипломатии и знакомого с закулисными технологиями власти. Катков предстает в них как глава теневого правительства, в руках которого сосредоточена огромная власть: состав правительства, назначения, принятие того или иного закона и т.д., а его ближайшее окружение автор записок с иронией именует «двором», который «открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждение и похвалу, и в конце концов достигает своих целей» [42. Т. 1. С. 499–500]. «Рядом с законным государем правительством создалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора “Московских ведомостей”», – с явным недоброжелательством по отношению к последнему пишет высокопоставленный чиновник в декабре 1886 г. и перечисляет окружающих журналиста «многочисленных пособников на высших ступенях управления»: министра народного просвещения И.Д. Делянова, министра государственных имуществ М.Н. Островского, обер-прокурора Священного синода К.П. Победоносцева, И.А. Вышнеградского, сменившего в январе 1887 г. в кресле министра финансов Н.Х. Бунге, правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина [42. Т. 1. С. 499–500]. Среди сановников, перечисленных Половцовым, имя Толстого отсутствует, и это, как представляется, не случайно. Будучи человеком в высшей степени самолюбивым и осторожным, Толстой в своем новом статусе, видимо, не желал быть уличенным в зависимости от журналиста и заслужить упрек от окружающих и (не дай Бог!) от самого государя в следовании его советам и наставлениям, а потому стремился всячески минимизировать свое общение

с ним. В свою очередь, и Катков был недоволен Толстым, порицал его за «излишнюю осторожность» [43. Л. 171] и говорил о нем как о человеке «без энергии» [44. Л. 179]. Все попытки вновь сблизить Толстого с журналистом, которые неоднократно предпринимал Е.М. Феоктистов, искренне уверенный, что у министра без поддержки Каткова «нет ничего, решительно ничего, никакой программы, никакой системы» [45. Л. 22], особого успеха не имели. И хотя со временем Феоктистову все же удалось добиться их примирения, однако прежнего доверия и единомыслия между ними уже никогда не возникало.

Несмотря на влияние в политических и придворных кругах, именитый журналист тем не менее по-прежнему нуждался в поддержке Толстого, который, как и в годы правления Александра II, выступал в качестве посредника в его отношениях с императором. Как министр внутренних дел, он ежедневно бывал с докладами на приеме у Александра III и мог, таким образом, пояснить, прокомментировать передовые статьи публициста в «Московских ведомостях», а то и передать содержание адресованных императору писем-объяснений Каткова. А необходимость в таких комментариях возникала нередко. Передовые статьи Каткова, написанные «пером булатным и острым как кинжал» [46. Т. 2. С. 129], страстно, темпераментно, полемически остро, порой даже излишне прямолинейно и прямодушно, без оглядки на цензуру, нередко вызывали недовольство высокопоставленных сановников, даже и гнев самого Александра III. Так, к примеру, в феврале 1887 г. во время одного из таких докладов император недовольно заметил, что «Катков поступает не совсем хорошо», искажая при публикации содержание писем своего берлинского корреспондента: «Этот корреспондент пишет одно, а печатается другое <....> – говорил Александр III. – Зачем же Катков изменяет то, что ему сообщают, дает другую окраску? Ведь поступая таким образом, он может потерять доверие. Вы известите его об этом» [47. Л. 32]. Через Феоктистова Толстой советовал Каткову в письме и изложить факты, опровергающие данную информацию, с тем чтобы во время очередного доклада он мог бы познакомить императора с содержанием письма и таким образом оправдать журналиста в его глазах. Каждый раз, чтобы передать письмо лично императору, Катков должен был через правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина обращаться к Толстому с запросом для получения на то официального разрешения, а министр, в свою очередь, извещал его о результате прошения через начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова [48].

Однако смягчить Александра III удавалось далеко не всегда. После прочтения передовой статьи в № 66 от 8 марта 1887 г., в которой в резких выражениях порицалась вероятность продления срока действия секретного австро-русско-германского договора, заключенного Россией в 1881 г. и известного как «Союз трех императоров», император без лишних размышлений тут же распорядился дать «Московским ведомостям» предостережение. «В высшей степени неприличная статья, – написал он на полях первой

полосы прочитанного им номера газеты. — Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г. Катков; приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие, и что всему есть мера» [15. С. 244–245]. Главное управление по делам печати едва лишь приступило к обсуждению вопроса о мере взыскания «Московским ведомостям», как в № 69 от 11 марта была напечатана еще одна статья с критикой министра иностранных дел Н.К. Гирса и прогерманской политики России, и ее появление ускорило принятие решения о вынесении газете предостережения. На этот раз Толстой не решился подать свой голос в защиту Каткова, а лишь предложил в формулировке предостережения заодно упомянуть передовую статью в № 67, направленную также против министра иностранных дел и не менее резкую по тону, чтобы избежать второго предостережения, которое могло последовать сразу вслед за первым. Подобная реакция была вполне в духе Толстого, о котором хорошо знавшие его современники отзывались как о человеке «с системой, но без большого характера, т.е. он не положит душу свою за свою идею, хотя видит ее истину. Он эгоист и ссориться не любит» [49. Л. 113]. И лишь благодаря «исключительной энергии» Победоносцева, который считал вынесение предостережения «Московским ведомостям» «крайне вредным и несвоевременным» и сумел доказать это Александру III [50. Л. 43], распоряжение, уже подготовленное в Главном управлении по делам печати и направленное на утверждение императору, подписано не было.

Смерть журналиста, последовавшая вскоре вслед за этим событием — в июле 1887 г., уничтожила этот союз, длившийся более двух десятилетий, союз, основывавшийся на единстве политических взглядов и убеждений, на общности представлений о развитии образовательной системы России. Анализ переписки Толстого с Катковым, эпистолярного наследия их ближайших помощников — Е.М. Феоктистова, Б.М. Маркевича, А.И. Георгиевского, изучение воспоминаний и дневниковых записей А.А. Половцова, А.А. Киреева, Г.К. Градовского и других современников позволяет сделать вывод, что в этом союзе высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста лидером был Катков, издания которого не только осуществляли «информационную поддержку» предпринятых министром народного просвещения реформ, но во многом инициировали и направляли его деятельность. Обладая сильным и решительным характером, упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей, непоколебимой уверенностью в собственной правоте, журналист на протяжении многих лет с успехом отстаивал перед Толстым те меры, которые считал единственно правильными и верными в сфере образования. И хотя сам Катков называл себя лишь «чиновником особых поручений» при министре народного просвещения [51. Л. 151], но, по мнению некоторых современников, он и сам мог бы с успехом возглавлять министерство, хотя его «резкий характер не совсем удобен для министра» [52]. Со своей стороны, Толстой, имея воз-

мжность, в силу занимаемых должностей, едва ли не ежедневно бывать с докладами у императора, был своего рода представителем журналиста, поверенным, ходатаем по его делам сначала перед Александром II, а затем перед Александром III. Его, безусловно, можно отнести к числу «катковцев» – высокопоставленных чиновников, которые так или иначе были связаны с редакцией «Московских ведомостей», разделяли позицию этой влиятельной консервативной газеты и находились под несомненным влиянием ее редактора-издателя. В то же время министр нередко выступал как «скрытый оппонент» Каткова, неоднократно пытался избавиться от своей зависимости от него, продемонстрировать самостоятельность в принятии решений, однако, как правило, последнее слово всегда оставалось за авторитетным журналистом. История взаимоотношений Толстого и Каткова служит весьма показательным примером усиления влияния печати на властные структуры Российской империи в 60–80-е гг. XIX в.

Список источников

1. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002. 441 с.
2. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.
3. Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Концепт. 2013. № 1. С. 46–53.
4. Замостьянов А.А., Чумаков В.Т. Последнее тридцатилетие XIX века: Время Д.А. Толстого и И.Д. Делянова // Народное образование. 2013. № 5. С. 91–102.
5. Из записок министра народного просвещения Д.А. Толстого 1870–1880-х гг. // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 323–330.
6. Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. 512 с.
7. Воронин В.В. Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: обсуждение «Учебной реформы» Д.А. Толстого в Государственном совете (1871–1872 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. Вып. 2. С. 106–119.
8. Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. Вып. 12. С. 100–108.
9. Клыкова Е.Д. Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2015. № 1. С. 42–51.
10. Новикова М.Б., Перфилова Т.Б. Университетский вопрос в 1866–1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 22–33.
11. Перевалова Е.В. Лицей цесаревича Николая (1868–1917) – образцовое учебное заведение нового типа // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2014. № 2. С. 56–67.
12. Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. № 1. С. 77–86.
13. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и А.В. Головнин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2017. Т. 6, № 3. С. 330–346.
14. Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 9 октября 1863 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.

15. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. (1848–1896): Воспоминания. М. : Новости, 1991. 460 с.
16. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. СПб. 17 апреля 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 15.
17. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 25 марта 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
18. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 17 апреля 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
19. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 3 мая 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
20. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 9 июля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
21. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 24 января 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
22. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 19 февраля. Б. г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36.
23. *Киреев А.А.* Дневник. 20 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 8.
24. *Киреев А.А.* Дневник. Октябрь 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 3.
25. *Перевалова Е.В.* М.Н. Катков и А.В. Головин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2017. Т. 6, № 3. С. 330–346.
26. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 10 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 33.
27. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. СПб. 6 ноября 1873 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
28. *Георгиевский А.И.* Письмо Б.М. Маркевичу. 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 2. Ед. хр. 12.
29. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 30 августа 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 30.
30. *Катков М.Н.* Письмо П.М. Леонтьеву. Б.д. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. хр. 37.
31. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 18 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 33. Л. 29.
32. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 22 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 21.
33. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 20 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
34. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 2.
35. *Голицын В.М.* Дневник. 21 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 75. К. 10. Л. 140.
36. *Киреев А.А.* Дневник. Май 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
37. [Передовая статья] // Московские ведомости. 03.06.1882. № 152.
38. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 6 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
39. *Бартнев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
40. *Есипович Я.Г.* Записки сенатора // Русская старина. 1909 г. Кн. 8.
41. *Розанов В.В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
42. *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : ЗАО Центрполиграф, 2005.
43. *Киреев А.А.* Дневник. Январь 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
44. *Киреев А.А.* Дневник. 10 февраля 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
45. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 16 октября 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37.
46. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания : в 2 т. СПб., 1908–1910.
47. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 22 февраля 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38.
48. *Толстой Д.А.* Письма Е.М. Феоктистову. 12 декабря 1886 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 11. Ед. хр. 15.
49. *Киреев А.А.* Дневник. 25 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
50. *Воейков Д.И.* Письмо М.Н. Каткову. 13 марта 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
51. *Катков М.Н.* Письмо императору Александру II. 22 июня 1879 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 45.

52. Тютчева Е.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву. 19 марта 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 230. К. 44.07. Ед. хр. 2.

References

1. Khristoforov, I.A. (2002) *"Aristokraticeskaya" oppositsiya Velikim reformam (konets 1850 – sredina 1870-kh gg.)* ["Aristocratic" opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid-1870s)]. Moscow: Russkoe slovo.
2. Kotov, A.E. (2016) *"Tsarskiy put'" Mikhaila Katkova: ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh gg* ["The Tsar's Way" by Mikhail Katkov: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in the Political Journalism of the 1860s–1890s]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Pertsev, V.V. (2013) Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: the second half of 19th century – the beginning of 20th century. *Kontsept – Koncept*. 1. pp. 46–53. (In Russian).
4. Zamost'yanov, A.A. & Chumakov, V.T. (2013) Poslednee tridsatiletie XIX veka. Vremya D.A. Tolstogo i I.D. Delyanova [The last thirty years of the 19th century. The time of D.A. Tolstoy and I.D. Delyanov]. *Narodnoe obrazovanie – National Education*. 5. pp. 91–102.
5. Tolstoy, D.A. (2005) Iz zapisok ministra narodnogo prosveshcheniya D.A. Tolstogo 1870–1880-kh gg [From the notes of the Minister of Public Education D.A. Tolstoy in 1870–1880s]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. Moscow. 1. pp. 323–330.
6. Staferova, E.L. (2007) *A.V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh gg.)* [A.V. Golovnin and liberal reforms in education (the first half of the 1860s)]. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
7. Voronin, V.V. (2010) The discussion about classical and real education in Russia: The debate on D. Tolstoy's "Educational Reform" in State Council (1871–1872). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 106–119. (In Russian).
8. Ablyazov, K.A. (2006) Ustav universitetov 1884 g.: istoriya podgotovki i kharakteristika ego osnovnykh polozheniy [Charter of universities in 1884: the history of preparation and characteristics of its main provisions]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 12. pp. 100–108.
9. Klykova, E.D. (2015) Disputes about university autonomy in the Russian society (1870s – early 1880s). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya – Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1. pp. 42–51. (In Russian).
10. Novikova, M.B. & Perfilova, T.B. (2014) University question in 1866–1884. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1. pp. 22–33. (In Russian).
11. Perevalova, E.V. (2014) Litsey tsesarevicha Nikolaya (1868–1917) – obraztsvoe uchebnoe zavedenie novogo tipa [The Lyceum of Tsarevich Nicholas (1868–1917) as an exemplary educational institution of a new type]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya – Locus: People, Society, Cultures, Meaning. Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: History and Political Science Series*. 2. pp. 56–67.
12. Gradovskiy, G.K. (1908) Iz minuvshogo [From the past]. *Russkaya starina*. 1. pp. 77–86.
13. Perevalova, E.V. (2017) M.N. Katkov and A.V. Golovnin: to history relationship. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of Baikal State University "Theoretical and Practical Issues of Journalism"*. 6 (3). pp. 330–346. (In Russian).

14. Tolstoy D.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu*. [A letter to M.N. Katkov]. 9 October 1863. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
15. Feoktistov, E.M. (1991) *Za kulisami politiki i literatury. (1848–1896). Vospominaniya* [Behind the scenes of politics and literature. (1848–1896). Memories]. Moscow: Novosti.
16. Markevich, B.M. (1871) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. 17 April 1871. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 8. File 15. Saint Petersburg.
17. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 25 March 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
18. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 17 April 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
19. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 3 May 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
20. Tolstoy, D.A. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 9 July 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
21. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 24 January 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32.
22. Feoktistov, E.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 19 February. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 36.
23. Kireev, A.A. (1880) *Dnevnik* [A diary]. 20 April 1880. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 8.
24. Kireev, A.A. (1866) *Dnevnik* [A diary]. October 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 3.
25. Perevalova, E.V. (2017) M.N. Katkov and A.V. Golovnin: to history of relationship. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of Baikal State University "Theoretical and Practical Issues of Journalism"*. 6 (3). pp. 330–346. (In Russian).
26. Markevich, B.M. (1874) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 10 March 1874. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 33.
27. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 6 November 1873. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32. Saint Petersburg.
28. Georgievskiy, A.I. (1874) *Pis'mo B.M. Markevichu* [A letter to B.M. Markevich]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 2. File 12.
29. Markevich, B.M. (1868) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 30 August 1868. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 30.
30. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 49. File 37.
31. Markevich, B.M. (1874) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 18 March 1874. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 33. File 29.
32. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 22 April 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 27. File 2. Page 21.
33. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 20 April 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32.
34. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 27. File 2.
35. Golitsyn, V.M. (1880) *Dnevnik* [A diary]. 21 April 1880. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 75. List 10. File 140.
36. Kireev, A.A. (1882) *Dnevnik* [A diary]. May 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
37. *Moskovskie vedomosti* (1883) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. 3 June. 152.
38. Markevich, B.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 6 June 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 31.

39. Bartenev, P.I. (1912) Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva" [From the notebook of "Russkiy Arkhiv"]. *Russkiy arkhiv*. 3.
40. Esipovich, Ya.G. (1909) Zapiski senatora [Notes of a senator]. *Russkaya starina*. 8.
41. Rozanov, V.V. (1997) Suvorin i Katkov [Suvorin and Katkov]. *Novoe vremya*. 7.
42. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t.* [A diary of the Secretary of State: in 2 volumes]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
43. Kireev, A.A. (1883) *Dnevnik* [A diary]. January 1883. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
44. Kireev, A.A. (1883) *Dnevnik* [A diary]. 10 February 1883. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
45. Feoktistov, E.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 16 October 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 37.
46. Golovin, K.F. (1908–1910) *Moi vospominaniya* [My memories]. In 2 volumes. Saint Petersburg: izdanie t-va M.O. Vol'f.
47. Feoktistov, E.M. (1887) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 22 February 1887. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 38.
48. Tolstoy, D.A. (1886) *Pis'ma E.M. Feoktistovu* [Letters to E.M. Feoktistov]. 12 December 1886. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 11. File 15.
49. Kireev, A.A. (1882) *Dnevnik* [A diary]. 25 June 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
50. Voeykov, D.I. (1887) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 13 March 1887. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 23.
51. Katkov, M.N. (1879) *Pis'mo imperatoru Aleksandru II* [A letter to Emperor Alexander II]. 22 June 1879. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 45.
52. Tyutcheva, E.F. (1881) *Pis'mo K.P. Pobedonostsevu* [A letter to K.P. Pobedonostsev]. 19 March 1881. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 230. List 44.07. File 2.

Информация об авторе:

Перевалова Е.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненашева Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), head of the Journalism and Mass Media Department, Higher School of Printing and Media Industry of Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2021;
одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 19.01.2021;
approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*